

Известный советский драматург и сценарист Леонид Зорин — не только большой поклонник шахмат (однажды он даже был чемпионом Центрального Дома литераторов), но и автор, часто выступающий в печати с размышлениями о шахматном искусстве, и более того, обращающийся к шахматной теме в своей литературной работе. Предлагаемая вашему вниманию беседа посвящена главным образом связи между шахматами и искусством.

— Леонид Генрихович, как началось ваше увлечение шахматами и почему оно длится так долго?

— Мне уже трудно вспомнить, как оно началось. Значительно легче ответить на вторую часть вопроса. Оно длится так долго потому, что шахматы сделали мою жизнь и радостнее, и богаче.

— А приносили ли они вам огорчения?

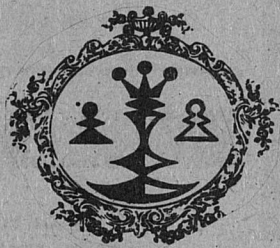
— Разумеется. Как и всякая любовь. Когда я был подростком, со мной произошла точно такая же история, как и с юным Хлебниковым, героем моего фильма «Гроссмейстер». Я увлекся игрой и забыл, что меня ждет подружка. Когда я наконец оторвался от доски, ее и след простыл. Утешился я почти сорок лет спустя, когда вставил этот эпизод в сценарий фильма.

— Шахматы часто сравнивают с искусством. В чем, на ваш взгляд, общность шахмат и художественного творчества?

— Мне кажется, что эстетическое начало выражено в шахматах достаточно ярко. Экономия средств, грация воплощения замысла, почти колдовское взаимодействие всех элементов, из которых и складается целое, — это то, что бросается в глаза. Но есть и та общность шахмат и искусства, которая не лежит на поверхности, — знание интуитивного начала.

Не все поддается точному расчету, не всегда есть твердая уверенность в конечном результате, но приходит миг озарения — он наполняет верой в истинность твоего решения, пусть даже ты не можешь обосновать его сразу. Это озарение и составляет тайну и радость творчества. Думаю, что правомерно умо-

заключение, что мышление шахматиста подчинено не только логическим схемам, в известном смысле ему свойствен и образный характер. Безусловно, глубинное содержание шахматной борьбы на свой, очень специфический манер отражает жизнь человеческого духа, а форма ее способна доставить художественное наслаждение.

ШАХМАТЫ И ИСКУССТВО

Что я имею в виду, когда говорю о жизни человеческого духа, выраженной в шахматной партии? Прежде всего — испытание вашего интеллекта, воли, вашей способности к отвлеченному мышлению и одновременно вашей жизнеспособности.

Что я имею в виду, говоря об эстетическом воздействии той формы, в которую заключены мысли мастера, — его ходов? Прежде всего — создание определенных образов на различные темы (связки, отвлечения, перекрытия, патовые идеи), причем часто путем нарушения правильных соотношений (речь идет о комбинациях, когда та или иная фигура, а то и несколько одновременно, приносят себя в жертву — чисто романтический образ!).

Шахматы, как всякое искусство, есть вечный поиск нового в обыденном. Когда на доске возникают хорошо знакомые варианты, не однажды повторявшиеся ситуации, в них каждый раз нужно вдохнуть новую жизнь. Эта повседневная борьба с рутинной, неустанный поиск свежести — не они ли составляют самую суть творчества?

И, наконец, шахматная партия, шахматная комбинация, как и художественное произведение, не возможны

без некой руководящей идеи, и как в художественном произведении, она не формулируется, не дается в обнаженном виде, а возникает как неожиданный эмоциональный итог.

В чем же все-таки эта руководящая идея шахмат? Не в том ли, что они являются гениально созданной моделью жизни с ее вечной борьбой, с ее взлетами и па-

кордов, во имя того, на что способен человек, выдающиеся спортсмены сознательно идут на определенные жертвы.

Вообще же этот вопрос весьма своевременен. Чем популярнее будут шахматы, тем большее количество молодых людей будет стремиться подражать своим кумирам. При чем если в спорте много ограничений, ибо ясно: не

ются под огнями прожекторов, и та неизбежная ущемленность, которую чувствует малоспособный актер и шахматный неудачник, куда мучительнее, чем та, которую испытывает человек более распространенной профессии, пусть и не достигая в ней вершины. Хотя бы уже в силу того, что она меньше привлекает к себе общественное внимание. Но, разумеется,

— Я могу сказать, что все встреченные мною большие шахматисты были своеобразными людьми, что называется, с изюминкой. Одни добрее, другие ершистее, одни отличаются душевной щедростью, другие — более сосредоточены на себе. Но я не встречал среди них людей скучных, пресных. О шахматистах интересно не только писать, но и размышлять.

— Но вам приходилось встречаться и с известными писателями, режиссерами, актерами...

— Разумеется, и я вовсе не говорю, что нашим гроссмейстерам принадлежит монополия на своеобразие. Но есть одно дополнительное обстоятельство. Шахматы стали профессиональными сравнительно недавно, и люди, которые долгое время преодолевали консерватизм общественного мышления, люди, которые в этой обстановке отдавали все свои силы любимому делу, — люди незаурядные. Как правило, борьба с предубеждением выковывает особые характеры. Да и атмосфера шахматных состязаний существенно формирует личность. Эта жизнь с ее частыми поворотами, встречами со все новыми и новыми соперниками, претендентами, партнерами, единоборство индивидуальностей, интеллектов, воли — все это, несомненно, обостряет те или иные черты, заложенные в существе человека, делает его непохожим на других. Люди, которые отдают шахматам всю жизнь, делают это вовсе не потому, что не созданы ни для чего другого. Способности многих из них таковы, что и в других областях человеческой деятельности они, несомненно, достигли бы, а некоторые и достигли — таких же вершин.

— У нас много молодых и талантливых шахматистов, еще только вступающих в этот «прекрасный и яростный мир». Хотелось бы услышать ваше напутствие этим молодым людям.

— Молодым людям, шахматистам и нешахматистам, я прежде всего желаю одного: не суетиться! В любых сложных ситуациях не терять лица, сохранять достоинство, не поступаться убеждениями, скромно и целеустремленно делать свое дело.

Е. ГИК.

дениями, с частой необходимостью все начинать сначала, упав, подняться и идти дальше? Не в том ли, что шахматы дают нам желанную возможность управлять событиями, задумывать и воплощать их в жизнь? Не в том ли, что они закаляют наши души, шлифуют умы и учат как бы заново увидеть привычное?

Не берусь ответить. Иногда мне кажется, что в шахматах таится великая загадка, которую еще предстоит разгадать.

— Если юноша усиленно занимается физическим видом спорта, скажем, плаванием или фигурным катанием, но не добивается выдающихся результатов, то он, по крайней мере, тратит время с пользой для здоровья. Если же молодой человек посвятил много времени шахматам и не добился больших успехов, то у него от шахмат может остаться одно разочарование. Если при этом шахматы прочно вошли в его жизнь, то он становится средним мастером — сил овладеть другим делом уже нет. Что вы скажете по этому поводу?

— Прежде всего о пользе. В чистом виде полезна только физкультура. А в большом спорте требуются такая отдача, такие гигантские усилия, такой трудный режим, что во имя побед, во имя ре-

каждый может стать Брумелем, то шахматы действительно могут посеять иллюзию, что за доской все упирается в личное трудолюбие и умение развить свои способности — ты кузнец своего счастья, и все находится в твоих руках. Тем более что эти ощущения не лишены известных оснований. Кто-то из великих шахматистов сказал, что в сущности шахматным мастером может стать каждый. И действительно, у нас уже около тысячи мастеров.

Другое дело, что полноценная жизнь в шахматах доступна лишь шахматной элите. С этим, я надеюсь, никто спорить не будет. И тут возникает проблема — может ли человек довольствоваться положением среднего шахматного мастера? Ну что ж, на мой взгляд, шахматы вполне заслуживают того, чтобы относиться к ним профессионально. В каждой области есть свои генералы и рядовые. Можно быть и просто шахматным маэстро. Но я все же считаю, что лучше быть средним инженером, чем средним шахматистом или средним актером. (Как видите, и здесь я продолжаю сопоставление шахмат и искусства, хотя и в другом аспекте — речь идет об их зрелищности). И шахматы — публичная профессия, и шахматные спектакли разыгрыва-

если шахматист лишен жгучего честолюбия, если он не мыслит никакой другой жизни, кроме как в шахматах, то и говорить не о чем, — только он является хозяином своей судьбы.

— В искусстве или науке человек может практически всю жизнь продвигаться вперед. Что же касается шахмат, то даже у гроссмейстеров, добившихся выдающихся результатов, рано или поздно наступает творческий спортивный спад, и они как бы отходят на второй план. Это означает, что даже великим игрокам шахматы могут принести немало страданий...

— Да, в шахматах есть одно специфическое качество, которое отличает их от науки и даже от искусства, а именно — объективный критерий. Если вы проиграли, вам засчитывают ноль, и с этим ничего нельзя поделать.

Для гроссмейстера это означает, что он теперь реже выигрывает и чаще проигрывает. Ну что же, таков круговорот вещей. Мне уже как-то привелось заметить по этому поводу: «Победа показывает, что человек может, а поражение — чего он стоит».

— Вы автор столько пьес. Значит, для вас особую цену имеет богатство человеческих характеров. Общение с шахматистами обогащает вас как писателя?